

ЕВРОПЕЙСКИЙ СУД ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА
COUR EUROPÉENNE DES DROITS DE L'HOMME

НЕОФИЦИАЛЬНЫЙ ПЕРЕВОД

АУТЕНТИЧНЫЙ ТЕКСТ РАЗМЕЩЕН
НА САЙТЕ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА
www.echr.coe.int

В РАЗДЕЛЕ HUDOC

ТРЕТЬЯ СЕКЦИЯ

ДЕЛО «АНДРУЩЕНКО против РОССИИ»

(Жалоба № 33938/08)

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

СТРАСБУРГ

24 марта 2020 года

Настоящее постановление вступило в силу, но может быть подвергнуто редакционной правке.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПО ДЕЛУ «АНДРУЩЕНКО ПРОТИВ РОССИИ»

По делу «Андрущенко против России»,

Европейский Суд по правам человека (Третья Секция), заседая Комитетом, в состав которого вошли:

Алена Полачкова, *Председатель*,

Дмитрий Дедов,

Джилберто Феличи, *судьи*,

и Ольга Чернышева, *Заместитель Секретаря Секции*,

Проведя заседание за закрытыми дверями 3 марта 2020 года, вынес следующее постановление, утвержденное в вышеуказанный день:

ПРОЦЕДУРА

1. Дело было инициировано на основании жалобы (№ 33938/08), поданной в Суд против Российской Федерации в соответствии со статьей 34 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее — «Конвенция») гражданином Российской Федерации Николаем Степановичем Андрущенко (далее — «заявитель») 6 мая 2008 года. 19 апреля 2017 года заявитель умер. 29 апреля 2017 года жена покойного заявителя Людмила Николаевна Андрущенко уведомила Суд о своем желании добиваться рассмотрения жалобы вместо ее покойного мужа.

2. Интересы заявителя и г-жи Андрущенко представлял К.Кузьминых, адвокат, практикующий в Санкт-Петербурге. Интересы Властей Российской Федерации (далее — «Власти») представлял Г. Матюшкин, Уполномоченный Российской Федерации при Европейском Суде по правам человека, а затем его преемник на этом посту М. Гальперин.

3. 29 сентября 2016 года Властям было направлено уведомление о жалобах на нарушение статьи 3, пункта 3 статьи 5, статьи 10 и статьи 13 (в совокупности со статьями 3 и 10) Конвенции, а остальная часть жалобы была объявлена неприемлемой в соответствии с пунктом 3 правила 54 Регламента Суда.

ФАКТЫ

I. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА

4. Заявитель, 1943 года рождения, проживал в г. Санкт-Петербурге.

A. Статья заявителя «Кровавая суббота 3 марта 2007 года»

5. Заявитель являлся членом редакции местной газеты «Новый Петербург», для которой он писал различные статьи. Газета расходилась тиражом около 50 000 экземпляров.

6. С апреля по июль 2006 года он написал четыре статьи, касающиеся

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПО ДЕЛУ «АНДРУЩЕНКО ПРОТИВ РОССИИ»

судебного процесса над группой из четырех человек, обвиняемых в убийстве иностранца в результате нападения по расистским мотивам.

7. 7 марта 2007 года газета опубликовала статью заявителя под названием «Кровавая суббота 3 марта 2007 года», касающуюся демонстрации протеста, которая состоялась 3 марта 2007 года, и ее насильственного разгона полицией, сотрудниками ОМОНа и Федеральной службы безопасности (далее — «ФСБ»). В ней говорилось следующее:

«... Государственный переворот, организованный Валентиной Матвиенко и Владиславом Пиотровским в Санкт-Петербурге, позволяет нам считать нынешний режим в России аннулированным и приступить к его постепенному, демократическому демонтажу. Кровь на улицах блокадного Ленинграда позволяет считать полномочия Владимира Путина и Валентины Матвиенко юридически ничтожными. Это — в перспективе.

А началось все минут за 40 до начала Марша несогласных ... несогласных с государственным российским фашизмом ... Вокруг места события стали появляться многочисленные ментовские машины ... Среди ментов и ОМОНовцев в черной, фашистской униформе многочисленные «шныри» из ФСБ ... Вся площадь перед БКЗ перегорожена и оцеплена нелюдьми в черном. Менты нагло, как оккупанты, делают вид представителей некой власти, которая демонстрирует городу-герою Ленинграду своё презрение ... Рядом по рации пищит «шнырь» либо из ментуры, либо из ФСБ: «Отслеживайте [этого человека]!» ... Это — задолго до начала марша ... То есть мерзавцы из силовых структур отслеживали свободных граждан вольного города Санкт-Петербурга, надо полагать, без санкции суда, до проявления гражданами какой-либо активности. Неожиданно рация запищала громко: «На х-- ее. Ты мне Лимонова, Лимонова не прозевай. Он конторе персонально нужен».

Но вот организованная, мирная колонна двинулась ... Рядом некий боров в штатском бормочет по рации: «По мордам не бить. По почкам, по почкам. Следов не оставлять ...

По всему периметру — ряды деревянных солдат ... против стариков и детей. Против Ленинграда! ... Среди ОМОНовцев особой жестокостью отличается толстый коротышка. По-видимому, испытывая комплекс неполноценности, оскалив рот с гнилыми зубами, бьет направо и налево. Выдергивает девчонок из толпы и волочет в автобус ... Мальчишек не трогает. Наверное, импотент.

Демонстрация продвигается ... Оцепление ментов давит людей как вшей ... Народного депутата [имя] оккупанты в фашистской униформе бьют ... Толпа черных оккупантов отбивает своего вертухая от блокадников ...»

8. 21 июня 2007 г. газета опубликовала статью заявителя «Пора покупать оружие. Как путинские опричники убивают душу и веру». В ней содержались критические высказывания о судебном процессе, роли обвинения и присяжных. В ней говорилось следующее:

«... И в моей голове пронеслись различные картины. [Один из подсудимых], одетый в сияющую белую одежду, выглядит потеряннным и вертит головой, в то время как огромный судебный пристав толкает его к металлической клетке зала суда. Я жму руку [подсудимого], она холодная. Она не живая, государственные фашисты убили его душу! Затем я говорю что-то мимоходом и слышу, как я говорю: "Скоро мы будем карать их". А затем я спрашиваю себя: "Кого их?" И отвечаю сам себе: "Мы будем карать всех тех, кто убивает справедливость,

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПО ДЕЛУ «АНДРУЩЕНКО ПРОТИВ РОССИИ»

убивает души, убивает веру" ... А потом я вспомнил, что лицо [подсудимого] как две капли воды похоже на лицо Гавроша в Музее Бастилии в Париже ... Когда смотришь на ту картину, невольно слышишь звуки Марсельезы и призыв той далекой и близкой всем нам Великой революции: "К оружию, граждане!"»

9. 10 сентября 2007 года начальник отдела по борьбе с организованной преступностью Управления внутренних дел Санкт-Петербурга запросил у суда разрешение на прослушивание телефонных разговоров заявителя. Городской суд разрешил прослушивание на 180 дней.

10. В период с 16 по 19 ноября 2007 года газета опубликовала еще несколько статей заявителя, касающихся обвинений высокопоставленных должностных лиц в коррупции. Предположительно, все экземпляры соответствующих изданий были куплены сотрудниками милиции.

В. Уголовное судопроизводство в отношении заявителя и его содержание под стражей

11. 22 ноября 2007 года в отношении заявителя было возбуждено уголовное дело по статьям 294 (воспрепятствование осуществлению правосудия и расследованию) и 298 (клевета в отношении судьи, присяжного заседателя, прокурора, с обвинением лица в совершении тяжкого или особо тяжкого преступления) Уголовного кодекса. Было сочтено, что статьи, опубликованные в 2006 году, представляли собой вмешательство в процесс отправления правосудия, поскольку они могли повлиять на присяжных заседателей, участвовавших в то время в рассматриваемом деле. Также было отмечено, что в июне 2007 года заявитель написал еще одну статью, в которой предполагалось, что он знает некоторых присяжных заседателей, что он предоставил им информацию и сумел получить записи их обсуждений. Он также предположительно угрожал присяжным заседателям смертью, поскольку статья была озаглавлена «Пора покупать оружие ...» и содержала обещание покарать виновных за «пренебрежение презумпцией невиновности и убийство веры четырех русских парней в правосудие» (см. также пункт 8 выше). По мнению следователя, в указанной выше статье содержались признаки преступлений, предусмотренных статьями 294 и 298 Уголовного кодекса. Наконец, в ней содержались клеветнические заявления о судье, председательствующем на этом судебном процессе, о прокуроре М. и других лицах; они обвинялись в вынесении или содействии в вынесении заведомо незаконного решения.

12. В тот же день другой следователь возбудил в отношении заявителя уголовное дело по статье 129 Уголовного кодекса.

13. 22 и 23 ноября 2007 года сотрудники отдела по борьбе с организованной преступностью предположительно воспрепятствовали

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПО ДЕЛУ «АНДРУЩЕНКО ПРОТИВ РОССИИ»

публикации нового издания, в котором в том числе была опубликована одна из статей заявителя.

14. 23 ноября 2007 года заявитель был задержан.

15. 24 ноября 2007 года Дзержинский районный суд г. Санкт-Петербурга оставил в силе постановление о задержании заявителя и санкционировал его содержание под стражей на время расследования дела, возбужденного по статьям 294 и 298 Уголовного кодекса, поскольку содержание под стражей в ходе предварительного следствия допускается при расследовании преступлений, за которые предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок от двух лет. Суд привел следующие основания.

(i) Он был убежден в том, что в отношении заявителя имелось обоснованное подозрение, и что имевшиеся материалы подтверждали, что заявитель мог быть причастен к преступлениям, в отношении которых было возбуждено уголовное дело.

(ii) Хотя преступления, предусмотренные статьями 294 и 298 Уголовного кодекса, наказываются лишением свободы на срок до двух лет и на более длительный срок соответственно, серьезность фактических обвинений свидетельствовала о том, что рассматриваемые преступления были более опасными.

(iii) Существовал риск того, что в случае освобождения подозреваемый продолжит свою преступную деятельность, в том числе через средства массовой информации, к которым у него имелся доступ, что являлось отягчающим обстоятельством. Он также мог воспрепятствовать расследованию, угрожая «участникам разбирательства» и препятствуя сбору доказательств или скрывшись от правосудия.

(iv) Представленных в суд материалов было недостаточно, чтобы предположить, что состояние здоровья подозреваемого не позволяет содержать его под стражей в следственном изоляторе, поскольку в любом случае в изоляторе имеются средства для оказания медицинской помощи.

16. 30 ноября 2007 года следователь назначил стационарное психиатрическое освидетельствование заявителя, которое продолжалось до февраля 2008 года. Предположительно, в течение этого периода следственные мероприятия не проводились.

17. 22 января 2008 года районный суд продлил срок содержания заявителя под стражей до 21 марта 2008 года. Суд постановил следующее:

(a) Поскольку заявитель являлся заместителем директора издательства и автором статей, опубликованных в газете «Новый Петербург», и ему были предъявлены обвинения в совершении преступлений против отправления правосудия, эти обвинения указывали на повышенную опасность для общества и на риск того, что заявитель

может «продолжить свою преступную деятельность».

(b) Поскольку в своей статье, опубликованной в 2007 году, заявитель угрожал жизни и здоровью присяжных заседателей, и следовательно еще не допросил этих лиц, существовал риск того, что заявитель может воспрепятствовать следствию. Суд отметил, что разбирательство дела по вопросу о приостановлении тиража газеты еще не завершено.

18. В неустановленный день деятельность газеты заявителя и ее редакции была приостановлена. Судя по всему, заявитель больше там не работал.

19. В феврале 2008 года заявителю были предъявлены дополнительные обвинения по статье 319 Уголовного кодекса.

20. В марте 2008 года заявителю было предъявлено обвинение в совершении преступления, предусмотренного статьей 280 Уголовного кодекса (публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности), в связи с его статьей «Кровавая суббота 3 марта 2007 года» (см. пункт 7 выше).

21. Срок его содержания под стражей был продлен в связи с обвинениями, предъявленными по статьям 294, 298 и 280 Уголовного кодекса.

22. В апреле 2008 года ему были предъявлены дополнительные обвинения по статье 319 Уголовного кодекса в связи с некоторыми из опубликованных статей и по статье 294 Уголовного кодекса. Обвинения по статье 298 были переквалифицированы на статью 319 (в связи с оскорблением прокурора М.).

23. В мае 2008 года дело в отношении заявителя по обвинениям в совершении преступлений, предусмотренных статьями 129, 280 и 319 Уголовного кодекса, было передано на рассмотрение в районный суд.

24. 20 мая 2008 года районный суд отклонил ходатайство прокурора о продлении срока содержания заявителя под стражей и распорядился о его освобождении. В отношении заявителя была избрана мера пресечения в виде подписки о невыезде. Суд сослался на следующие факторы.

(i) После переквалификации определенных обвинений соответствующие преступления были признаны преступлениями «малой» или «средней тяжести» в соответствии с внутригосударственной правовой квалификацией.

(ii) Поскольку деятельность газеты и ее редакционной коллегии была приостановлена, и обвиняемый там больше не работал, риск того, что он продолжит преступную деятельность, более не существовал.

(iii) Расследование было завершено, и доказательства обвинения были собраны и представлены в суд. Поэтому больше не было риска того, что заявитель воспрепятствует правосудию, угрожая участникам дела или уничтожая, или препятствуя сбору доказательств.

(iv) Пожилой возраст и состояние здоровья заявителя, а именно

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПО ДЕЛУ «АНДРУЩЕНКО ПРОТИВ РОССИИ»

наличие серьезных хронических заболеваний, которые представляют прямую угрозу его жизни, и необходимость в регулярной квалифицированной медицинской помощи, что «не вызывало сомнений у суда».

25. В качестве доказательства сторона защиты представила заключение специалиста, подготовленное Д., имевшим ученую степень по этнологии и истории. Д. изучил статьи заявителя, в том числе статью «Кровавая суббота 3 марта 2007 года». В соответствующей части заключения Д. указывалось следующее:

«Оспариваемые статьи — это журналистские работы, написанные с использованием выразительных и эмоциональных формулировок, характерных для этого жанра. Их темы касаются конфликта, произошедшего во время "Марша несогласных": статьи позволяют увидеть события в подробностях глазами очевидца ...

Журналистский жанр, в котором написаны оспариваемые статьи, позволяет давать довольно жесткие, а порой и радикальные оценки. Основные темы статей касаются политической ситуации в стране — они полны суровых оценочных суждений и метафор, раскрывающих негативное отношение автора к определенным событиям.

В статье "Кровавая суббота 3 марта 2007 года" автор в критической форме выражает свое отношение к правоохранительным органам Российской Федерации в контексте митинга протеста, проведенного 3 марта 2007 года. Между организаторами митинга и сотрудниками правоохранительных органов возник конфликт. Поэтому, автор использует жесткую и радикальную метафору "оккупация", представляя сотрудников правоохранительных органов как "оккупантов", которые, по мнению автора, боролись против людей, которым они должны были служить ... »

26. 22 июня 2009 года районный суд признал заявителя виновным по статье 282 Уголовного кодекса в связи с публикацией статьи «Кровавая суббота 3 марта 2007 года». Суд первой инстанции переквалифицировал обвинения по статье 280 на статью 282 Уголовного кодекса (которая, вероятно, предусматривала менее строгое наказание), которая касалась действий, направленных на возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства членов «социальной группы», а именно сотрудников правоохранительных органов, с использованием средств массовой информации. В приговоре было указано следующее:

«В экспертном заключении указывается, что автор статьи занимает особенно агрессивную и критическую позицию по отношению к правоохранительным органам российского государства в связи с [маршем оппозиции], который состоялся 3 марта 2007 года. Автор использовал такие фразы, как "государственный российский фашизм" и "полицейский режим" при описании российской политической системы ... что подразумевает, что политической системе в России присущи элементы фашизма или полицейского режима, включая насилие и произвол.

В отношении сотрудников правоохранительных органов или Федеральной службы безопасности (ФСБ) автор использовал слова, относящиеся к теме фашизма, например:

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПО ДЕЛУ «АНДРУЩЕНКО ПРОТИВ РОССИИ»

"Среди ментов и ОМОНовцев в черной, фашистской униформе многочисленные "шныри" из ФСБ [автор также называет их "нелюдями в черном"]

... Менты нагло, как оккупанты, делают вид представителей некой власти, которая демонстрирует городу-герою Ленинграду свое презрение в явном виде ...

... Водитель в черном сидит в кабине, скалит зубы. Улыбается ОККУПАНТ Ленинграда!

ОККУПАНТЫ В ФАШИСТСКОЙ УНИФОРМЕ ... как у ФАШИСТОВ ... Толпа ЧЕРНЫХ ОККУПАНТОВ ... ОККУПАНТЫ В ЧЕРНОМ ..."

У Суда нет сомнений в том, что статья содержит крайне негативную эмоциональную оценку социальной группы, в которую входят сотрудники правоохранительных органов, и это подтверждается экспертным заключением и не опровергается заключением специалиста. Статья создает негативное отношение к этой социальной группе, а именно чувство ненависти, вызывая вражду со стороны других граждан.

Вражда и унижение достоинства направлены против сотрудников правоохранительных органов, которые представляют собой группу людей, которые взаимодействуют друг с другом особым образом и которые воспринимают свою принадлежность к этой группе и воспринимаются как таковые другими людьми. Кроме того, группа выполняет общественно важную функцию. В целом перечисленные выше элементы указывают на то, что сотрудники правоохранительных органов являются "социальной группой" по смыслу законодательства о противодействии экстремизму.

Разжигание ненависти и вражды произошло в связи с приписыванием (всем членам этой социальной группы) крайне негативных черт в сочетании с оскорбительными высказываниями. Очевидно, что это формирует негативный социальный стереотип и впечатление, что члены этой группы настроены враждебно. Что касается унижения достоинства, то, во-первых, оно выражалось в сравнении сотрудников правоохранительных органов с фашистскими оккупантами, которые являются абсолютно безнравственными людьми. В совокупности с другими, крайне негативными, оценками отдельных черт некоторых главных героев статьи: «свинья в штатском», «шныри ФСБ», заявления подсудимого следует охарактеризовать как непристойные и оскорбляющие честь и достоинство членов этой социальной группы ...

Суд отмечает, что в настоящее время не существует специальной лицензированной процедуры подготовки экспертных заключений для оценки того, разжигает ли материал, распространяемый в средствах массовой информации, вражду. Таким образом, суд принимает во внимание экспертные заключения, подготовленные профессионалами в области психологии и лингвистики, а также заключение специалиста Д. ... »

По обвинению по статье 282 Уголовного кодекса суд первой инстанции приговорил заявителя к одному году лишения свободы условно. Срок лишения свободы был признан отбытым в связи с истечением установленного законом срока для исполнения приговора.

27. В то же время суд первой инстанции оправдал заявителя по обвинениям в совершении некоторых других преступлений и преступлений, предусмотренных статьями 129, 280 и 319 Уголовного кодекса.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПО ДЕЛУ «АНДРУЩЕНКО ПРОТИВ РОССИИ»

28. Заявитель обжаловал приговор в городской суд, утверждая, что его негативная оценка политического режима и работы органов государственной власти выходила за рамки статьи 282 Уголовного кодекса, поскольку в обстоятельствах этого дела применение классификации «социальная группа» было необоснованным.

29. 20 октября 2009 года городской суд оставил приговор суда первой инстанции без изменений, в том числе в части статьи 282 Уголовного кодекса.

С. Условия содержания под стражей

1. Версия заявителя

30. С ночи с 23 на 24 ноября по 26 ноября 2007 года заявитель содержался в изоляторе временного содержания. Температура в его камере была около 0 °С, а стены были покрыты льдом. Ему не выдали матраса, одеяла или теплой одежды. По словам заявителя, в то время система центрального отопления вышла из строя, и проводились ремонтные работы. Как следует из материалов дела, его родственники и друзья пытались передать ему одежду, но следователь, которые вел его дело (или другой государственный служащий), не разрешил ему получить их. Как следует из материалов дела, заявитель содержался в камере большую часть времени за исключением слушания по вопросу о заключении под стражу, проведенного 24 ноября 2007 года (см. пункт 15 выше).

31. 26 ноября 2007 года заявитель был переведен в следственный изолятор № 47/4 и помещен в камеру № 80, оборудованную пятнадцатью койками, в которой содержалось двадцать семь задержанных. С 29 ноября по 4 декабря 2007 года он содержался в темном карцере, расположенном в сыром подвале; на полу была вода, а на стенах влага. В главном корпусе следственного изолятора постельные принадлежности были заражены клопами и стирались всего один раз в пять месяцев. Питательная вода поступала из общей канализации без какой-либо фильтрации. Вода имела сильный металлический привкус и содержала опасные для здоровья химические вещества.

32. Как следует из материалов дела, в то время заявитель страдал от высокого артериального давления и от проблем с глазами и сердцем.

2. Версия Властей

33. В период с 24 по 26 ноября 2007 года заявитель содержался в изоляторе временного содержания. ИВС был оборудован в соответствии с действующим законодательством, включая систему центрального отопления. В нем было 37 камер для 107 заключенных. В период с 24 по 26 ноября 2007 года в нем содержалось от 13 до 23 человек.

34. В период с 26 ноября 2007 года по 20 мая 2008 года заявитель

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПО ДЕЛУ «АНДРУЩЕНКО ПРОТИВ РОССИИ»

содержался в следственном изоляторе № 47/4. С 26 по 28 ноября 2007 года он содержался в камере № 80, рассчитанной на четырех человек. С 28 ноября по 3 декабря 2007 года он содержался в камере № 0/4 один. Впоследствии он содержался в разных камерах, в которых находились от двух до четырех человек. Заявителю предоставили отдельное спальное место и постельные принадлежности.

II. ПРИМЕНИМОЕ НАЦИОНАЛЬНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО И СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА

А. Закон «О противодействии экстремистской деятельности»

35. До августа 2006 года раздел 1 Закон «О противодействии экстремистской деятельности» (Федеральный закон № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» от 25 июля 2002 года) содержал следующее определение экстремистской деятельности/экстремизма:

- (i) насильственное изменение основ конституционного строя Российской Федерации и нарушение ее территориальной целостности;
- (ii) подрыв национальной безопасности Российской Федерации;
- (iii) узурпация власти;
- (iv) организация вооруженных преступных группировок;
- (v) осуществление террористической деятельности;
- (vi) разжигание расовой, национальной, религиозной или социальной розни, сопровождающееся насилием или призывами к насилию;
- (vii) ущемление национальной гордости;
- (viii) организация массовых беспорядков, нарушение общественного порядка или акты массового хулиганства или крупномасштабного вандализма на почве идеологической, политической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды, либо на почве ненависти или вражды в отношении социальной группы;
- (ix) пропаганда исключительности, превосходства либо неполноценности лиц по признаку их религиозной, социальной, расовой, национальной/ этнической принадлежности или языка;
- (x) пропаганда и публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики либо атрибутики или символики, сходных с нацистской атрибутикой или символикой до степени смешения;
- (xi) публичные призывы осуществлению вышеуказанных действий;
- (xii) финансирование вышеупомянутых актов или какая-либо помощь в их подготовке и проведении, в том числе путем обеспечения профессиональной подготовки, печати и материальной/технической поддержки, предоставления телефонной или других средств связи или информационных услуг.

36. В августе 2006 года вышеприведенный список был дополнен

внесением следующих пунктов:

- (i) публичное оправдание терроризма;
- (ii) воспрепятствование законной деятельности государственных органов, избирательных комиссий и их должностных лиц, в сочетании с насилием, либо угрозой его применения;
- (iii) публичное заведомо ложное обвинение лица, замещающего государственную должность Российской Федерации или государственную должность субъекта Российской Федерации, в совершении им в период исполнения своих должностных обязанностей деяний, указанных в разделе 1 Закона (при условии, что клевета была доказана в суде);
- (iv) применение насилия или угрозы применения насилия в отношении лица, замещающего государственную должность или его ближайших родственников в отношении его или ее должностных обязанностей;
- (v) покушение на убийство в отношении государственного служащего или общественного деятеля, совершенное с целью положить конец его государственной или иной политической деятельности либо в качестве меры возмездия за эту деятельность;
- (vi) нарушение прав и свобод гражданина или причинение вреда здоровью или ущерба имуществу в связи с его или ее религиозной, расовой, этнической принадлежностью, социальным положением или социальным происхождением.

37. В августе 2007 года список был дополнен, и в него были добавлены новые определения экстремистской деятельности.

В. Преступления экстремистской направленности

1. Статья 280 Уголовного кодекса

38. Статья 280 УК предусматривает наказание за публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности (часть 1 статьи 280) и за те же деяния, совершенные с использованием средств массовой информации (часть 2 статьи 280). В период рассматриваемых событий второе из этих деяний наказывалось принудительными работами или лишением свободы на срок до пяти лет.

2. Статья 282 Уголовного кодекса

39. Часть 1 статьи 280 УК РФ запрещает действия, направленные на возбуждение ненависти либо вражды, а также на унижение достоинства человека либо группы лиц по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, а равно принадлежности к какой-либо социальной группе. Действия, совершенные публично или с использованием средств массовой информации, наказываются лишением свободы на срок до двух лет. 22 апреля 2010 года

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПО ДЕЛУ «АНДРУЩЕНКО ПРОТИВ РОССИИ»

Конституционный Суд РФ признал неприемлемой жалобу на неопределенность и недостаточную предсказуемость термина «социальная группа» (определение № 564-О-О от 22 апреля 2010 года). В соответствующей части определения говорится следующее:

Уголовный кодекс Российской Федерации в статье 282 предусматривает ответственность за действия, направленные на возбуждение ненависти либо вражды, а равно на унижение человеческого достоинства. Содержащаяся в ней норма ... гарантирует признание и уважение достоинства личности независимо от каких-либо физических или социальных признаков, и устанавливает уголовную ответственность не за любые действия, а только за те, которые совершаются с прямым умыслом, направленным на возбуждение ненависти или вражды, унижение достоинства человека или группы лиц, в связи с чем неопределенности не содержит, и сама по себе не может рассматриваться как нарушающая конституционные права заявителя».

3. Постановление № 11 Верховного Суда РФ

40. 28 июня 2011 года Пленум Верховного Суда вынес постановление № 11, касающееся уголовных дел о преступлениях экстремистской направленности. Нижестоящим судам были даны следующие указания.

(i) Судам следует обеспечивать, с одной стороны, охрану публичных интересов (основ конституционного строя, целостности и безопасности Российской Федерации), а с другой — защиту гарантированных Конституцией Российской Федерации прав и свобод человека и гражданина (свободы совести и вероисповедания, свободы мысли, слова, массовой информации, права свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом, свободы собраний).

(ii) «Дела о преступлениях экстремистской направленности» следует отличать от других дел на основании мотива, наличие которого необходимо доказать (а именно, мотивы политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти, или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы).

(iii) Под публичными призывами (статья 280 УК РФ) следует понимать обращения к другим лицам (в любой форме, включая сеть Интернет) с целью побудить их к осуществлению экстремистской деятельности. В то же время, публичное распространение информации, в которой обосновывается необходимость совершения противоправных действий в отношении лиц по признаку расы, национальности, религиозной принадлежности и т.д., либо информации, оправдывающей такую деятельность, следует квалифицировать по статье 282 УК РФ.

(iv) Под действиями, направленными на возбуждение ненависти либо вражды, следует понимать, в частности, высказывания, обосновывающие и (или) утверждающие необходимость геноцида,

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПО ДЕЛУ «АНДРУЩЕНКО ПРОТИВ РОССИИ»

массовых репрессий, депортаций, совершения иных противоправных действий, в том числе применения насилия, в отношении представителей какой-либо нации, расы, приверженцев той или иной религии и других групп лиц. Критика политических организаций, идеологических и религиозных объединений, политических, идеологических или религиозных убеждений, национальных или религиозных обычаев сама по себе не должна рассматриваться как действие, направленное на возбуждение ненависти или вражды.

С. Другие преступления

41. До 2011 года статья 129 Уголовного кодекса предусматривала, что клевета (распространение заведомо ложных сведений, порочащих честь и достоинство другого лица или подрывающих его репутацию), соединенная с обвинением лица в совершении тяжкого или особо тяжкого преступления, наказывается штрафом или «ограничением свободы» на срок до трех лет или лишением свободы.

42. Статья 294 УК РФ предусматривает, что вмешательство в какой бы то ни было форме в деятельность суда в целях воспрепятствования осуществлению правосудия наказывается штрафом, принудительными работами либо лишением свободы на срок до двух лет.

43. До 2011 года статья 298 предусматривала, что клевета на судей, присяжных, прокуроров или следователей наказывается лишением свободы на срок до четырех лет.

44. Статья 319 предусматривала, что публичное оскорбление представителя власти при исполнении им своих должностных обязанностей или в связи с их исполнением наказывается штрафом, общественными работами или принудительными работами.

III. ДРУГИЕ ПРИМЕНИМЫЕ МАТЕРИАЛЫ

45. Европейская комиссия за демократию через право (далее — «Венецианская комиссия») вынесла Мнение № 660/2011 (CDL-AD (2012)016) по поводу Федерального закона Российской Федерации «О противодействии экстремистской деятельности».

46. 9 марта 2009 года Бюро ОБСЕ по демократическим институтам и правам человека опубликовало «Законодательство против преступлений на почве ненависти: практическое руководство», в котором сделало следующие замечания о возможной сфере характеристик потерпевшего в законе против преступлений на почве ненависти:

«Если какой-либо закон содержит признаки, которые не являются неизменными или каким-либо образом существенными для самосознания человека и разделяются лицами, которые как группа лиц подверглись дискриминации, изоляции или угнетению, он может быть дискредитирован как закон о преступлениях на почве ненависти. Кроме того, он может не обеспечить защиту тех групп, которые фактически являются жертвами. Лица, защищаемые термином

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПО ДЕЛУ «АНДРУЩЕНКО ПРОТИВ РОССИИ»

«социальная группа», могут включать в себя сотрудников полиции или политиков, ни один из которых обычно не воспринимается как угнетаемая группа или как разделяющая фундаментальные узлы идентичности. В самом деле, если закон содержит защищенные характеристики, которые слишком далеки от основной концепции преступления на почве ненависти, он больше не может рассматриваться как закон о преступлениях на почве ненависти.

Кроме того, правовая концепция определенности требует, чтобы лицо могло разумно предвидеть уголовные последствия своих действий. Концепция правовой определенности отражена как во внутреннем законодательстве региона ОБСЕ, так и в региональных и международных документах по правам человека. Закон, предусматривающий ужесточение наказаний, но неясный в отношении обстоятельств, при которых эти наказания будут применяться, скорее всего, не выдержит этого основополагающего критерия».

ПРАВО

I. ПРАВОВОЙ СТАТУС Г-ЖИ АНДРУЩЕНКО

47. Суд отмечает, что после смерти заявителя в 2017 году его жена выразила желание продолжить разбирательство, возбужденное в Суде ее покойным мужем в 2008 году, по жалобам на нарушения статей 3, 5, 10 и 13 Конвенции.

48. Власти утверждало, что указанные выше жалобы носят личный характер и касались непередаваемых прав, и предложили Суду исключить жалобу из списка подлежащих рассмотрению дел.

49. Со своей стороны, Суд повторяет, что при определении этого вопроса решающее значение имеет не возможность передачи рассматриваемых прав наследникам, намеревающимся добиваться рассмотрения дела, а право наследников в принципе требовать защиты законных интересов в Суде в соответствии с намерением заявителя реализовать свое право на подачу индивидуальной жалобы в Европейский Суд (см. постановление Европейского Суда от 8 апреля 2014 года по делу «Эргезен против Турции» (*Ergezen v. Turkey*), жалоба № 73359/10, пункт 29; постановление Европейского Суда от 17 января 2017 года по делу «Баракхоев против России» (*Barakhoyev v. Russia*), жалоба № 8516/08, пункты 22-23; и постановление Европейского Суда от 12 декабря 2017 года по делу «Ксенз и другие против России» (*Ksenz and Others v. Russia*), жалобы №№ 45044/06 и 5 других жалоб, пункты 87 и 117). Также, рассматриваемые Судом дела, касающиеся защиты прав человека, имеют моральную составляющую, и близкие заявителю лица могут иметь законную заинтересованность в том, чтобы добиваться отправления правосудия даже после смерти заявителя (там же), Суд убежден в удовлетворении условия тесного родства и в том, что г-жа Андрущенко имеет законный интерес в том, чтобы жалоба, поданная от имени заявителя, была рассмотрена. Суд не видит оснований

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПО ДЕЛУ «АНДРУЩЕНКО ПРОТИВ РОССИИ»

сомневаться в том, что между скончавшимся заявителем и ее женой имела достаточно тесная родственная связь. Следовательно, Суд считает, что г-жа Андрущенко имеет право продолжить участие в разбирательстве вместо заявителя (см. постановление Большой Палаты по делу «Далбан против Румынии» (*Dalban v. Romania*), жалоба № 28114/95, пункт 39, ECHR 1999-VI, и постановление Суда от 15 декабря 2016 года по делу «Васенковс против Латвии» (*Vascenkovs v. Latvia*), жалоба № 30795/12, пункты 27-30). По практическим соображениям, г-жа Андрущенко далее будет называться «заявителем» в настоящем постановлении.

II. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЕЙ 3 и 13 КОНВЕНЦИИ

50. Заявитель жаловался на нарушение статьи 3 Конвенции в связи с условиями его содержания под стражей в изоляторе временного содержания и в следственном изоляторе. Он также утверждал, что на внутригосударственном уровне в его распоряжении не имелось эффективных средств правовой защиты в отношении этой жалобы.

51. Статья 3 Конвенции гласит:

«Никто не должен подвергаться ни пыткам, ни бесчеловечному или унижающему его достоинство обращению или наказанию».

52. Статья 13 Конвенции гласит:

«Каждый, чьи права и свободы, признанные в настоящей Конвенции, нарушены, имеет право на эффективное средство правовой защиты в государственном органе, даже если это нарушение было совершено лицами, действовавшими в официальном качестве».

A. Доводы сторон

1. Власти

53. Власти утверждали, что в изоляторе временного содержания проблемы переполненности не было и что другие материальные условия содержания под стражей соответствовали применимому законодательству, поскольку в ИВС имела система центрального отопления, что подтверждается инспекционным отчетом от 25 сентября 2007 года.

54. Относительно следственного изолятора, со ссылкой на различные справки, Власти утверждали, что заявитель содержался в приемлемых условиях.

55. Власти не представили никаких доводов относительно эффективности внутригосударственных средств правовой защиты в отношении условий содержания под стражей в местах предварительного заключения.

2. Доводы заявителя

56. Заявитель (через г-жу Андрущенко) настаивал на своих жалобах.

В. Оценка Суда

1. Приемлемость жалобы

57. Стороны разошлись во мнениях относительно материальных условий содержания под стражей в следственном изоляторе. Изучив имеющиеся в его распоряжении материалы, Суд считает, что не было доказано, что условия содержания заявителя под стражей нарушали статью 3 Конвенции. Таким образом, соответствующие жалобы на нарушение статей 3 и 13 Конвенции являются явно необоснованными и должны быть отклонены в соответствии с подпунктом «а» пункта 3 и пунктом 4 статьи 35 Конвенции.

58. Что касается условий содержания под стражей в изоляторе временного содержания, то Суд отмечает, что соответствующие жалобы на нарушение статей 3 и 13 Конвенции не являются явно необоснованными по смыслу подпункта «а» пункта 3 статьи 35 Конвенции. Он также отмечает, что они не являются неприемлемыми по каким-либо другим основаниям. Следовательно, они должны быть признаны приемлемыми.

2. Существо жалоб

59. Суд отмечает, что жалоба заявителя на материальные условия его содержания под стражей в изоляторе временного содержания касалась одного конкретного аспекта, а именно того, что он содержался в очень холодной камере из-за нерабочей системы центрального отопления. Помимо общего заявления о соответствии условий содержания под стражей применимому законодательству, Власти не опровергли утверждение заявителя, в достоверности которого у Суда нет оснований сомневаться. В частности, они не предоставили копию инспекционного отчета, на который они ссылались в Суде. По мнению Суда, ситуация была достаточно серьезной, чтобы представлять собой нарушение статьи 3 Конвенции, в частности, принимая во внимание возраст заявителя и состояние его здоровья.

60. Следовательно, в настоящем деле было допущено нарушение статьи 3 Конвенции в связи с условиями содержания заявителя под стражей в период с 24 по 26 ноября 2007 года.

61. Власти не оспаривали утверждение об отсутствии эффективных средств правовой защиты в отношении вышеуказанной жалобы. Принимая во внимание собственную прецедентную практику (см. постановление Суда от 10 января 2012 года по делу «Ананьев и другие против России» (*Ananyev and Others v. Russia*), жалобы №№ 42525/07 и 60800/08, пункт 119), Суд приходит к выводу о нарушении статьи 13 Конвенции в настоящем деле.

III. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ ПУНКТА 3 СТАТЬИ 5 КОНВЕНЦИИ

62. Заявитель жаловался на нарушение пункта 3 статьи 5 Конвенции, поскольку суды не привели достаточных оснований для его задержания и предварительного заключения под стражу почти на шесть месяцев.

63. Пункт 3 статьи 5 Конвенции гласит:

«Каждый задержанный или заключенный под стражу в соответствии с подпунктом «с» пункта 1 настоящей статьи... имеет право на судебное разбирательство в течение разумного срока или на освобождение до суда. Освобождение может быть обусловлено предоставлением гарантий явки в суд...»

64. Европейский Суд отмечает, что данная жалоба не является явно необоснованной в значении подпункта «а» пункта 3 статьи 35 Конвенции. Суд также отмечает, что она не является неприемлемой по каким-либо иным основаниям. Следовательно, данная жалоба должна быть признана приемлемой.

65. Что касается существа жалобы, то применимые принципы были вкратце изложены Судом в постановлении Большой Палаты от 5 июля 2016 года по делу «Бузаджи против Республики Молдова» (*Buzadji v. the Republic of Moldova*), жалоба № 23755/07, пункты 84-91 и 102. В частности, Суд напоминает, что требование о том, чтобы служащий суда приводил значительные и достаточные основания для заключения под стражу (помимо наличия обоснованного подозрения), начинается действовать в момент вынесения первого решения о заключении под стражу, то есть «незамедлительно» после задержания (там же, пункт 102).

66. Суд отмечает, что заявитель был задержан и помещен в предварительное заключение в связи с обвинениями, связанными с публикацией его статей в газете в 2006 и 2007 годах, и касались ненасильственных преступлений.

67. Прежде всего, Суд считает, что поведение заявителя не могло считаться настолько серьезным, чтобы само по себе оправдывать заключение под стражу (сравните с постановлением Суда от 17 сентября 2015 года по делу «Ковязин и другие против России» (*Kovyazin and Others v. Russia*), жалоба № 13008/13 и 2 другие жалобы, пункт 84).

68. Национальные суды не смогли должным образом обосновать предполагаемый риск того, что заявитель подделает доказательства, в частности, путем оказания давления на некоторых присяжных заседателей (потенциальных свидетелей в разбирательстве по его делу). Действительно, одним из фактических обстоятельств, послуживших основанием для заключения заявителя под стражу, было заявление, которое следователь определил в ноябре 2007 года как угрозу (сделанную в статьях заявителя, опубликованных в 2006 году и в июне 2007 года) присяжным заседателям, участвовавшим в уголовном процессе, который уже был завершен. Даже признавая, что текст оспариваемых статей мог быть разумно воспринят как достигающий уровня достаточно конкретной угрозы применения насилия в отношении отдельных присяжных, вещественные доказательства преступления уже

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПО ДЕЛУ «АНДРУЩЕНКО ПРОТИВ РОССИИ»

были установлены в текстах статей. Нет никаких указаний на то, что заявитель действительно пытался совершить какое-либо нападение на этих присяжных заседателей в период с 2006 года по ноябрь 2007 года. В отсутствие обоснованного подозрения ему не было предъявлено обвинение в совершении какого-либо соответствующего преступления. В любом случае, как отметил судья, рассматривавший вопрос о предварительном заключении под стражу, следствие не сочло целесообразным опросить кого-либо из присяжных заседателей в период с ноября 2007 года по конец января 2008 года.

69. Что касается риска повторного совершения преступления (или «продолжения преступной деятельности»), как это было сформулировано национальными судами, то Суд отмечает, что оценка внутрисударственных судов ограничивалась указанием на роль заявителя в издательстве и на его предыдущие публикации в газете. Суд не привел достаточных доводов, чтобы продемонстрировать, что существует риск того, что заявитель воспрепятствует производству по уголовному делу (которое к тому времени уже было завершено) или будет клеветать на государственных должностных лиц или присяжных заседателей, участвовавших в этом разбирательстве.

70. Суд не привел обоснования других предполагаемых рисков, таких как риск того, что заявитель может скрыться от следствия.

71. В целом, принимая во внимание аргументацию, приводящуюся в постановлениях о заключении заявителя под стражу и о продлении срока содержания под стражей в связи с публикацией статей, Суд не считает, что российские суды привели достаточные основания, оправдывающие весь период лишения заявителя свободы. Следовательно, в настоящем деле было допущено нарушение пункта 3 статьи 5 Конвенции.

IV. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 10 КОНВЕНЦИИ

72. Заявитель жаловался на то, что его преследование в уголовном порядке за его статью «Кровавая суббота 3 марта 2007 года» представляло собой нарушение статьи 10 Конвенции, которая в соответствующей части гласит:

«1. Каждый имеет право свободно выражать свое мнение. Это право включает свободу придерживаться своего мнения и свободу получать и распространять информацию и идеи без какого-либо вмешательства со стороны публичных властей ...

2. Осуществление этих свобод, налагающее обязанности и обязательства, может быть сопряжено с определенными формальностями, условиями, ограничениями или санкциями, которые предусмотрены законом и необходимы в демократическом обществе в интересах национальной безопасности, территориальной целостности или общественного порядка, в целях предотвращения беспорядков или преступлений, для охраны здоровья и нравственности, защиты репутации или прав других лиц, предотвращения разглашения информации, полученной конфиденциально, или обеспечения авторитета и беспристрастности правосудия».

А. Доводы сторон

73. Власти представили доводы в отношении различных опубликованных заявителем статей, за которые он был привлечен к уголовной ответственности. Что касается его статьи «Кровавая суббота 3 марта 2007 года», то Власти заявили, что ее содержание могло спровоцировать насилие и могло негативно повлиять на общественный порядок.

74. Заявитель настаивал на своей жалобе.

Б. Оценка Суда

1. Объем жалобы и ее приемлемость

75. Прежде всего, Суд отмечает, что настоящая жалоба касается уголовного преследования заявителя в связи с его статьей «Кровавая суббота 3 марта 2007 года», возбужденного по статье 280 Уголовного кодекса и приведшего к его осуждению по статье 282 Уголовного кодекса. Остальные жалобы, касающиеся его уголовного преследования по другим статьям, были объявлены неприемлемыми (см. пункт 3 выше).

76. Предварительное заключение заявителя под стражу в апреле и мае 2008 года было санкционировано частично в связи с рассматриваемой статьей (см. пункты 20 и 24 выше), и, таким образом, являлось частью «ограничения», наложенного на заявителя в рамках уголовного судопроизводства, и, следовательно, подпадало под действие статьи 10 Конвенции.

77. Европейский Суд отмечает, что данная жалоба не является явно необоснованной в значении подпункта «а» пункта 3 статьи 35 Конвенции. Суд также отмечает, что она не является неприемлемой по каким-либо иным основаниям. Следовательно, данная жалоба должна быть признана приемлемой.

2. Существо жалобы

(а) «Предусмотрено законом» и законная цель

78. Как и в постановлении по делу «Савва Терентьев против России» (*Savva Terentyev v. Russia*) (жалоба № 10692/09, пункты 53-59, 28 августа 2018 года) и по изложенным в нем причинам, Суд будет рассматривать настоящее дело, исходя из следующих предположений: (i) вмешательство в право заявителя на свободу выражения мнения было «предусмотрено законом» по смыслу пункта 2 статьи 10 Конвенции (см. также постановление Суда от 3 октября 2017 года по делу «Дмитриевский против России» (*Dmitriyevskiy v. Russia*), жалоба № 42168/06, пункты 81-83), и что (ii) рассматриваемое вмешательство было направлено на защиту «репутации или прав других лиц», а именно

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПО ДЕЛУ «АНДРУЩЕНКО ПРОТИВ РОССИИ»

сотрудников полиции и ФСБ, и, следовательно, имело законную цель в соответствии с пунктом 2 статьи 10 Конвенции.

(б) «Необходимость в демократическом обществе»

79. Свобода выражения мнения составляет одну из существенных основ демократического общества и является главным условием развития общества и самовыражения каждого из его членов. Согласно пункту 2 статьи 10, она применяется не только к «информации» или «идеям», признанным правильными, безобидными или нейтральными, но и к тем, которые оскорбляют, шокируют или вызывают беспокойство. Таковы требования плюрализма, терпимости и широты взглядов, без которых не существует «демократического общества». Как указано в статье 10, свобода выражения мнения допускает ряд исключений, которые, однако, должны строго регламентироваться, и необходимость любых ограничений должна быть убедительно определена (см., в качестве недавнего источника, постановление Большой Палаты Европейского Суда от 27 июня 2017 года по делу «Сатакуннан Марккинапорсси Оу и Сатамедия Оу против Финляндии» (*Satakunnan Markkinapörssi Oy and Satamedia Oy v. Finland*), жалоба № 931/13, пункт 124).

80. Далее Суд рассмотрит вопрос о том, было ли вмешательство в право заявителя на свободу выражения мнения «необходимым в демократическом обществе».

(i) Контекст дела

81. Прежде всего, Суд отмечает, что, хотя неясно, являлся ли заявитель «журналистом» по смыслу российского законодательства, достаточно отметить, что он был членом редакционной коллегии газеты «Новый Петербург», написал оспариваемую статью, опубликованную в этой газете, и регулярно писал статьи, публиковавшиеся в этой газете. Таким образом, настоящее дело следует рассматривать в свете принципов, применимых к защите, предоставляемой прессе (см. постановление Суда от 17 июля 2008 года «Риоло против Италии» (*Riolo v. Italy*), жалоба № 42211/07, пункт 63; постановление Суда от 14 апреля 2009 года по делу «Тарсасага Щабадсаджогокерт против Венгрии» (*Társasága Szabadságjogokért v. Hungary*), жалоба № 37374/05, пункт 27, и постановление Суда от 13 февраля 2018 года по делу «Буткевич против России» (*Butkevich v. Russia*), жалоба № 5865/07, пункты 131-32). Несмотря на то, что пресса не должна выходить за определенные рамки, в частности, касающиеся защиты репутации и прав других людей, ее задача заключается в распространении (соблюдая при этом свои обязанности и ответственность) информации и идей по всем вопросам, представляющим общественный интерес. Суд неоднократно признавал жизненно важную роль средств массовой информации в содействии и

укреплении права общества на получение и распространение информации и идей. Не только пресса имеет задачу распространять информацию, но, в свою очередь, общество имеет право получать ее. В противном случае пресса не смогла бы играть свою жизненно важную роль «сторожевого пса» общества (см. упоминаемое выше постановление по делу «Сатакуннан Марккинапорсси Оу и Сатамедия Оу против Финляндии», пункты 125-26).

82. В то же время, поскольку заявитель подвергся уголовному преследованию со ссылкой на Закон о противодействии экстремизму и статью 282 Уголовного кодекса Российской Федерации, также целесообразно рассмотреть настоящее дело со ссылкой на применимые принципы, касающиеся того, что можно классифицировать как «язык ненависти», которые были вкратце изложены Судом в постановлении Большой Палаты по делу «Перинчек против Швейцарии» (*Perinçek v. Switzerland*), жалоба № 27510/08, пункт 200-20, ЕСЧР 2015 (извлечения) и в упоминаемом выше постановлении по делу «Савва Терентьев против России», пункты 61-66).

83. Что касается российского антиэкстремистского законодательства, то в постановлении по делу «Савва Терентьев против России» (упоминаемое выше, пункт 85) Суд подчеркнул, что крайне важно, чтобы положения уголовного права, направленные против выражений, которые разжигают, поощряют или оправдывают насилие, ненависть или нетерпимость, четко и точно определяли объем соответствующих преступлений, и чтобы эти положения толковались однозначно, позволяя избежать слишком широкого дискреционного права государства по привлечению к уголовной ответственности за совершение таких преступлений и злоупотреблений таким правом путем выборочного правоприменения.

84. В настоящем деле заявитель был привлечен к уголовной ответственности за заявления, которые, как было установлено национальными судами, разжигали ненависть и вражду в отношении сотрудников полиции как «социальной группы». В этой связи Суд отмечает фактическое и правовое сходство между настоящим делом и делом Саввы Терентьева. В частности, что касается понятия «социальная группа», то в постановлении по делу «Савва Терентьев против России» (упоминаемое выше, пункт 76) Суд заявил, что полицию, как правоохранительный орган, вряд ли можно отнести к незащищенному меньшинству или группе, которая имеет историю угнетения и неравенства, или которая сталкивается с глубоко укоренившимися предрассудками, враждебностью и дискриминацией, или является уязвимой по какой-то другой причине, и, таким образом, нуждается в повышенной защите от нападок посредством оскорбления, высмеивания или клеветы. Будучи частью сил безопасности государства, полиция должна проявлять особенно высокую терпимость к оскорбительным

высказываниям, если только такие подстрекательские высказывания не могут спровоцировать неизбежные противоправные действия в отношении ее сотрудников и не подвергают их реальной опасности физического насилия. Лишь в очень сложных обстоятельствах напряженности, вооруженного конфликта и борьбы с терроризмом или смертельных тюремных бунтов Суд признавал, что соответствующие заявления могли спровоцировать насилие, способное поставить сотрудников сил безопасности под угрозу и, таким образом, соглашался с тем, что вмешательство по причине таких заявлений было оправдано (там же).

85. По мнению Суда, аналогичные соображения справедливы и в отношении сотрудников ОМОНа или ФСБ в настоящем деле.

86. С учетом вышеизложенных соображений Суд переходит к рассмотрению способа применения вышеупомянутого законодательства в отношении заявителя.

(ii) Оценка конкретной ситуации

87. Задачей Европейского Суда при исполнении надзорных функций является не исполнение обязанностей компетентных национальных органов, а только пересмотр решений компетентных национальных органов согласно статье 10 Конвенции, вынесенных ими в соответствии с их полномочиями по оценке. Это не означает, что надзор ограничен в установлении того, действовало ли государство-ответчик по своему усмотрению здраво, осмотрительно и добросовестно; перед Судом стоит задача оценить обжалуемое вмешательство в свете дела в целом и определить было ли оно «соразмерным преследуемой законной цели», а также являются ли причины, представленные национальными властями для обоснования этого, «достаточными и существенными». Поступая таким образом, Суд должен убедиться также в том, что национальные власти применяли нормы, соответствующие принципам статьи 10 и, более того, что их применение основывалось на приемлемой оценке обстоятельств, относящихся к делу (см., помимо прочих прецедентов, упоминаемое выше постановление Европейского Суда по делу «Перинчек против Швейцарии», пункт 196).

88. При оценке конкретного случая «вмешательства» в свободу выражения мнения в данном типе дел следует принимать во внимание различные факторы, в том числе: контекст, в котором были сделаны оспариваемые заявления, их характер и формулировку, их способность привести к вредным последствиям и причины, приведенные национальными судами для оправдания рассматриваемого вмешательства. Исход конкретного дела определяется взаимодействием между различными факторами, а не каким-либо одним из этих факторов, взятым в отдельности (см. постановление Европейского Суда от 17 июля 2018 года по делу «Мария Алехина и другие против России» (*Mariya Alekhina and Others v. Russia*), жалоба № 38004/12, пункты 217-21, и

постановление Европейского Суда от 28 августа 2018 года по делу «Ибрагим Ибрагимов и другие против России» (*Ibragim Ibragimov and Others v. Russia*), жалобы №№ 1413/08 и 28621/11, пункт 99).

89. В качестве отправной точки Суд отмечает, что рассматриваемый текст (особенно части, непосредственно послужившие основанием для осуждения заявителя) содержит резкие высказывания. В этой связи Суд напоминает, что согласно пункту 2 статьи 10 свобода выражения мнения применима не только к «информации» или «идеям», которые благополучно принимаются или рассматриваются как безобидные либо к которым относятся с безразличием, но и к тем, которые оскорбляют, шокируют или вызывают обеспокоенность (см. постановление Большой Палаты от 29 марта 2016 года по делу «Бедат против Швейцарии» (*Bedat v. Switzerland*), жалоба № 56925/08, пункт 48). Оскорбительная лексика может выходить за рамки защиты свободы выражения мнения, если она равносильна непристойному унижению; однако использование вульгарных фраз само по себе не имеет решающего значения для оценки оскорбительного выражения, поскольку оно вполне может служить лишь стилистическим целям. Стил является частью коммуникации как формы выражения и как таковой защищен вместе с содержанием выраженных идей и информации (см. постановление Европейского Суда от 8 июня 2010 года по делу «Гюль и другие против Турции» (*Gul and Others v. Turkey*), жалоба № 4870/02, пункт 41, и постановление Европейского Суда от 22 ноября 2016 года по делу «Гребнева и Алисимчик против России» (*Grebneva and Alisimchik v. Russia*), жалоба № 8918/05, пункт 52, и цитируемые в них прецеденты).

90. Суд отмечает, что заявитель был признан виновным национальными судами в разжигании ненависти и вражды и «унижении достоинства группы людей», а не в простом оскорблении (сравните с постановлением Большой Палаты по делу «Янковски против Польши» (*Janowski v. Poland*), жалоба № 25716/94, пункт 32, ECHR 1999-I) или носили клеветнический характер (сравните с решением Суда от 11 марта 2014 года по делу «Бартник против Польши» (*Bartnik v. Poland*), жалоба № 53628/10, пункт 28) в отношении определенных или опознаваемых лиц из числа сотрудников правоохранительных органов (таких как сотрудники полиции или сотрудники ФСБ).

91. Кроме того, Суд подчеркивает, что не каждое замечание, которое может быть воспринято как оскорбительное или оскорбительное конкретными лицами или их группами, оправдывает уголовное осуждение в виде тюремного заключения. Хотя такое настроение можно понять, одно лишь это не может ограничить свободу выражения мнения. Только путем тщательного изучения контекста, в котором фигурируют оскорбительные, оскорбительные или агрессивные слова, можно провести значимое различие между шокирующими и оскорбительными формулировками, защищаемыми статьей 10 Конвенции, и теми, которые

лишают его права на терпимость в демократическом обществе (см. аналогичный подход, в постановлении Европейского Суда по делу «Ваджнай против Венгрии» (*Vajnai v. Hungary*), жалоба № 33629/06, пункты 53 и 57, ECHR 2008). Таким образом, ключевой вопрос в настоящем деле заключается в том, могут ли заявления, рассматриваемые в целом и в соответствующем контексте, считаться способствующими насилию, ненависти или нетерпимости (см. упоминаемое выше постановление по делу «Перинчек против Швейцарии», пункт 240).

92. В свете изложенного выше подхода следует отметить, что заявитель опубликовал свою статью после митинга протеста в Санкт-Петербурге, который был частью массового общественного движения под названием «Марш несогласных». В статье затрагивался важный вопрос, представляющий общественный интерес, а именно применение силы во время митингов протеста. Из текста статьи можно понять, что заявитель лично наблюдал события, которые он описал в статье. Статья, по крайней мере, в том виде, в каком она была представлена, была нацелена на то, чтобы донести до общественности опыт автора, тем самым обеспечив право общественности на получение информации и идей.

93. В связи с этим Суд напоминает о своей обширной прецедентной практике, касающейся свободы мирных собраний в России, включая вопросы, связанные с разгоном митингов протеста (см., в частности, постановление Большой Палаты от 15 ноября 2018 года по делу «Навальный против России» (*Navalnyy v. Russia*), жалобы №№ 29580/12 и 4 другие жалобы, пункты 123-53; постановление Суда от 25 июля 2017 года по делу «Анненков и другие против России» (*Annenkov and Others v. Russia*), жалоба № 31475/10, пункты 84-101 и 132-40; постановление Суда от 7 февраля 2017 года по делу «Лашманкин и другие против России» (*Lashmankin and Others v. Russia*), жалобы №№ 57818/09 и 14 других жалоб, пункты 459-63; постановление Суда от 4 октября 2016 года по делу «Ярослав Белоусов против России» (*Yaroslav Belousov v. Russia*), жалобы №№ 2653/13 и 60980/14, пункты 173-83; постановление Суда от 5 января 2016 года по делу «Фрумкин против России» (*Frumkin v. Russia*), жалоба № 74568/12, пункты 100-42; и постановление Суда от 3 октября 2013 года по делу «Каспаров и другие против России» (*Kasparov and Others v. Russia*), жалоба № 21613/07, пункты 85-97).

94. Суд также повторяет, что использование термина «нацист» или его производных, таких как «неофашист», не может автоматически оправдывать осуждение за клевету на основании присущей ему стигмы (см. постановление Суда по делу «Шарзах и Ньюс Ферлагсгесельшафт против Австрии» (*Scharsach and News Verlagsgesellschaft v. Austria*), жалоба № 39394/98, пункт 43, ECHR 2003-XI, и постановление Суда от 14 декабря 2006 года по делу «Карман против России» (*Karman v.*

Russia), жалоба № 29372/02, пункты 39-40). Например, ранее Суд отмечал в отношении аналогичного термина «фашистское прошлое», что этот термин является широким и способен вызывать у тех, кто его читает, разные понятия относительно его содержания и значения (см. постановление Суда по делу «Фельдек против Словакии» (*Feldek v. Slovakia*), жалоба № 29032/95, пункт 86, ECHR 2001-VIII). В настоящем деле национальные суды не углублялись в этот вопрос.

95. Суд также отмечает, что отрывки статей, за которые заявитель был осужден (см. пункт 26 выше), не содержали призывов к насилию в отношении сотрудников правоохранительных органов. Уместно также отметить, что замечания заявителя не представляли собой персональные нападки на конкретных сотрудников полиции. Суд повторяет, что в отношении гражданских служащих, действующих в официальном качестве, применимы более широкие пределы допустимой критики, чем в отношении обычных граждан (см. постановление Суда по делу «Мамер против Франции» (*Mamère v. France*), жалоба № 12697/03, пункт 27, ECHR 2006-XIII), тем более, когда такая критика касается всего государственного учреждения. Определенная степень излишества может входить в эти пределы, особенно когда речь идет о реакции на то, что считается неоправданным или незаконным поведением гражданских служащих.

96. По мнению Суда, статья заявителя выражает его эмоциональную негативную реакцию и неприятие того, что он воспринял как злоупотребление полномочиями сотрудниками правоохранительных органов, и выражает его скептическую и саркастическую точку зрения в отношении моральных и этических норм сотрудников российской полиции. С этой точки зрения рассматриваемые заявления можно воспринимать как резкую критику нынешнего положения дел в российской полиции (см. пункт 25 выше относительно выводов, приводящихся в специальном заключении, представленном стороной защиты в ходе разбирательства на внутригосударственном уровне). Используемые заявителем фразы представляли собой провокационные метафоры, которые поддерживали его эмоциональный призыв к мерам, которые должны быть приняты с целью улучшения ситуации в области беспрепятственного осуществления права на свободу мирных собраний и в области применения физической силы против демонстрантов.

97. При этом Суд подчеркивает, что его соображения, изложенные в предыдущих пунктах, не следует рассматривать как одобрение формулировок, использованных заявителем, или эмоциональной окраски его статей.

98. Кроме того, ни в решениях национальных судов, ни в замечаниях Властей нет указания на то, что статья заявителя была опубликована на фоне важных политических или социальных событий или, что общее положение в плане безопасности в Санкт-Петербурге или

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПО ДЕЛУ «АНДРУЩЕНКО ПРОТИВ РОССИИ»

Ленинградской области (где распространялась газета) было напряженным, или что отмечались какие-либо столкновения, волнения или беспорядки, или что существовала атмосфера враждебности и ненависти по отношению к полицейским, или любые другие конкретные обстоятельства, при которых оспариваемые заявления могут повлечь за собой неизбежные противоправные действия в отношении сотрудников полиции и подвергнуть их реальной угрозе физического насилия.

99. Суд первой инстанции постановил, что сотрудники правоохранительных органов являются «социальной группой» в силу того, что они «взаимодействуют друг с другом особым образом», их принадлежность к этой группе осознается как ими самими, так и другими людьми, и в силу того, что они выполняют важную для общества функцию (см. пункт 26 выше). В то же время, национальные суды не смогли объяснить, почему эта группа, по их мнению, нуждается в усиленной защите; они также не указали никаких факторов или контекста, которые показали бы, что статья заявителя могла фактически служить призывом к какой-либо форме «вражды», например, в виде физического насилия, и таким образом подвергнуть риску эту группу или какого-либо из ее членов. В отсутствие такого объяснения в решении национальных судов или каких-либо других доказательств, которые позволили бы ему сделать иной вывод, Суд не убежден, что статья заявителя призывала к насилию, способному создать угрозу для сотрудников правоохранительных органов России. В этой связи отмечается, что, хотя статья была распространена в марте 2007 года, власти сочли, что она могла иметь вредные последствия, лишь в марте 2008 года (см. пункт 20 выше; сравните с постановлением Суда от 6 июля 2006 года по делу «Ербакан против Турции» (*Erbakan v. Turkey*), жалоба № 59405/00, пункт 68).

100. Национальные суды сосредоточили внимание на характере использованных заявителем формулировок, ограничив свои выводы формой и содержанием заявлений. Они не пытались проанализировать оспариваемые заявления в контексте соответствующей дискуссии и выяснить, какие идеи они должны были донести. Для оценки потенциального влияния публикации также крайне важно определить, насколько широка аудитория ее читателей. Статья заявителя была опубликована в газете с тиражом 50 000 экземпляров, распространявшейся в Санкт-Петербурге и Ленинградской области. При упоминании этого факта в описании преступления, а также того, что газета была в свободной продаже, национальные суды не сделали из этого факта никаких дополнительных выводов в отношении виновности заявителя, в частности в отношении предполагаемого разжигания вражды или ненависти к сотрудникам правоохранительных органов.

101. Выше Суд отметил, что именно взаимодействие различных факторов, а не одного из них, взятого в отдельности, приводит к выводу,

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПО ДЕЛУ «АНДРУЩЕНКО ПРОТИВ РОССИИ»

что конкретное утверждение представляет собой выражение, которое не может требовать защиты по статье 10 или которое может наказываться в порядке уголовного преследования, например, в соответствии с законодательством о «разжигании ненависти». В настоящем деле, хотя формулировка оспариваемых заявлений могла «оскорбить, шокировать или вызвать беспокойство», она не может рассматриваться как разжигание низменных чувств или подсознательных предрассудков по отношению к членам уязвимой социальной группы, поскольку рассматриваемой группой (по словам национальных судов) являлись сотрудники российских правоохранительных органов. Кроме того, ни в решениях национальных судов, ни в замечаниях Властей Суд не усматривает каких-либо других элементов, которые позволили бы ему сделать вывод, что статья заявителя представляла собой явную и непосредственную угрозу, которая требовала уголовного преследования и осуждения заявителя (сравните упоминавшееся выше постановлением Суда по делу «Гюль и другие против Турции», пункт 42).

102. Наконец, Суд отмечает, что заявителю было назначено условное наказание в виде лишения свободы, которое затем было сочтено отбытым в связи с истечением соответствующего срока для его исполнения. Осуждение в уголовном порядке является серьезным «наказанием» с учетом наличия других средств вмешательства и опровержения (см. упоминаемое выше постановление Суда по делу «Перинчек против Швейцарии», пункт 273). Наконец, Суд подтвердил, что, хотя назначение наказания, в принципе, является прерогативой национальных судов, назначение тюремного заключения за преступление в области обсуждения вопроса, представляющего законный общественный интерес, сопоставимо со свободой выражения мнения, гарантированной статьей 10 Конвенции, только в исключительных обстоятельствах, в частности, там, где были серьезно нарушены другие основные права, как, например, в деле, касающемся разжигания ненависти и подстрекательства к насилию (см. постановление Европейского Суда по делу «Отеги Мондрагон против Испании» (*Otegi Mondragon v. Spain*), жалоба № 2034/07, пункты 59-60, ECHR 2011, и сравните с постановлением Суда от 27 февраля 2018 года по делу «Синькова против Украины» (*Sinkova v. Ukraine*), жалоба № 39496/11, пункт 111). Суд уже установил, что не было доказано, что статья заявителя призывала насилию или представляла собой «разжигание ненависти».

103. Следовательно, Суд считает, что, придя к своим выводам на основании законодательства, направленного на борьбу с «разжиганием ненависти» в отношении защищаемой «социальной группы», и приговорив заявителя к условному тюремному сроку за его газетную статью, национальные суды не учли все факты и все соответствующие факторы. Следовательно, основания, приведенные этими судами не

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПО ДЕЛУ «АНДРУЩЕНКО ПРОТИВ РОССИИ»

могут считаться достаточными для того, чтобы оправдать вмешательство в свободу заявителя на выражение своего мнения.

104. Соответственно, в настоящем деле было допущено нарушение пункта 2 статьи 10 Конвенции.

V. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 13 КОНВЕНЦИИ В СОВОКУПНОСТИ СО СТАТЬЕЙ 10

105. Заявитель утверждал, что в его распоряжении не было эффективных средств правовой защиты от неоправданного вмешательства в его право на свободу выражения мнения.

106. Статья 13 Конвенции гласит:

«Каждый, чьи права и свободы, признанные в настоящей Конвенции, нарушены, имеет право на эффективное средство правовой защиты в государственном органе, даже если это нарушение было совершено лицами, действовавшими в официальном качестве».

107. Суд отмечает, что настоящая жалоба тесно связана с жалобой на нарушение статьи 10 Конвенции и также является приемлемой. Однако, учитывая характер и объем своих выводов по статье 10 Конвенции и в отсутствие каких-либо конкретных доводов заявителя, Суд решает воздержаться от рассмотрения жалобы на нарушение статьи 13 Конвенции по существу.

VI. ПРИМЕНЕНИЕ СТАТЬИ 41 КОНВЕНЦИИ

108. Статья 41 Конвенции предусматривает следующее:

«Если Суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне».

A. Ущерб

109. Г-жа Андрущенко требовала 35 800 евро в качестве компенсации морального вреда в связи с тем, что ее покойный муж содержался в предварительном заключении без достаточных на то оснований. Она также требовала 10 000 евро в связи с условиями его предварительного заключения и расходами (понесенными им или ею) в течение этого периода на покупку еды и лекарств. Наконец, она требовала 15 000 евро со ссылкой на жалобы на нарушение статей 6, 13 и 18 Конвенции.

110. Власти утверждали, что жалобы на нарушения статей 3, 5, 10 и 13 Конвенции касались прав и свобод, которые по своей сути являются личными и непередаваемыми. Таким образом, они утверждали, что было бы нецелесообразно присуждать жене заявителя какую-либо компенсацию.

111. Суд установил нарушения статьи 3, пункта 3 статьи 5, пункта 2

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПО ДЕЛУ «АНДРУЩЕНКО ПРОТИВ РОССИИ»

статьи 10 и статьи 13 Конвенции. Требований о справедливой компенсации за нарушение статьи 10 представлено не было. Требования, касающиеся различных расходов (независимо от того, рассматриваются ли они как материальный ущерб или издержки), не были связаны с установленными нарушениями статьи 3 или пункта 3 статьи 5 Конвенции. При этом Суд присуждает по статье 3 и пункту 3 статьи 5 Конвенции 1 300 евро в качестве компенсации морального вреда, плюс любые налоги, которыми может облагаться эта сумма. Эта сумма должна быть выплачена г-же Андрущенко (аналогичную ситуацию см. в упоминаемом выше постановлении по делу «Васенковс против Латвии», пункт 56).

В. Расходы и издержки

112. Г-жа Андрущенко требовала 5 000 евро в качестве оплаты «работы адвоката».

113. Власти не представили комментарии по данному вопросу.

114. Заявитель имеет право на возмещение судебных расходов и издержек, только если он доказал, что эти расходы были понесены в действительности, по необходимости и в разумном количестве (см. постановление Большой Палаты от 28 ноября 2017 года по делу «Мерабишвили против Грузии» (*Merabishvili v. Georgia*), жалоба № 72508/13, пункты 370-71). Следует отметить, что интересы заявителя на национальном уровне и в Суде представляли разные адвокаты. Отмечая отсутствие каких-либо соответствующих документов или достаточно подробной информации по этому требованию и принимая во внимание собственную прецедентную практику, Суд отклоняет требование о возмещении расходов и издержек.

С. Проценты за просрочку платежа

115. Суд считает приемлемым, что проценты за просрочку платежа должны быть установлены в размере, равном предельной учетной ставке Европейского Центрального банка, плюс три процента.

ПО ЭТИМ ОСНОВАНИЯМ СУД ЕДИНОГЛАСНО:

1. Признал жалобы на нарушение статьи 3 (условия содержания под стражей с 24 по 26 ноября 2007 года), пункта 3 статьи 5, пункта 2 статьи 10 и статьи 13 (в совокупности со статьями 3 и 10) Конвенции приемлемыми, а остальную часть жалобы неприемлемой;
2. постановил, что в деле было допущено нарушение статьи 3 Конвенции в связи с условиями содержания под стражей с 24 по 26 ноября 2007 года;

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПО ДЕЛУ «АНДРУЩЕНКО ПРОТИВ РОССИИ»

3. *постановил*, что в настоящем деле было допущено нарушение пункта 3 статьи 5 Конвенции;
4. *постановил*, что в настоящем деле было допущено нарушение пункта 2 статьи 10 Конвенции;
5. *постановил*, что в настоящем деле было допущено нарушение статьи 13 Конвенции в совокупности со статьей 3;
6. *постановил*, что необходимость в рассмотрении жалобы на нарушение статьи 13 Конвенции в совокупности со статьей 10 по существу отсутствует;
7. *Постановил*:
 - (а) что государство-ответчик обязано в течение трех месяцев выплатить Людмиле Николаевне Андрущенко 1 300 евро (одна тысяча триста евро) в качестве компенсации морального вреда, с переводом этой суммы в валюту государства-ответчика по курсу, установленному на день выплаты, плюс любой налог, которым может облагаться эта сумма;
 - (б) что с момента истечения вышеуказанного трехмесячного срока до момента выплаты компенсации с вышеуказанной суммы выплачивается простой процент в размере, равном предельной учетной ставке Европейского центрального банка в течение периода выплаты пени, плюс три процентных пункта;
8. *отклонил* остальные требования заявителей о справедливой компенсации.

Совершено на английском языке, уведомление в письменной форме направлено 24 марта 2020 года в соответствии с пунктами 2 и 3 Правила 77 Регламента Суда.

Ольга Чернышова
Заместитель Секретаря

Алена Полачкова
Председатель